

Мо Фэн снова повернулся к судье и отвесил глубокий поклон:

— Ваша честь! В связи с делом о предполагаемом преднамеренном убийстве Цзян Синьминя, в котором обвиняется Юй Аоцян, я ходатайствую об объединении дел в одно производство!

— Во-первых, это необходимо, чтобы восстановить справедливость для несправедливо убитого Цзян Синьминя!

— Во-вторых, это нужно, чтобы помешать Юй Аоцяну и дальше пользоваться своим влиянием и творить зло, дабы никто больше не пал жертвой его рук! Прошу, Ваша честь, удовлетворите мое ходатайство!

Он передал документы подошедшему сотруднику суда, который быстро отнес их судье.

Судья открыл папку и пробежал глазами по тексту. Его брови с каждой строкой сдвигались все ближе к переносице. Он то и дело поднимал взгляд, переводя его с высокомерного Юй Аоцяна на смертельно бледного Юй Цяньдо.

Через некоторое время судья тихо посоветовался с присяжными. Затем он взял судейский молоток и с глухим стуком ударил по столу. Его властный голос эхом разнесся по притихшему залу:

— После тщательной проверки суд постановил: имеющихся доказательств недостаточно, чтобы подтвердить факт преднамеренного причинения вреда здоровью со стороны подсудимого Цзян Яньаня!

— Согласно нормам права, обвинение с Цзян Яньаня снимается. Он подлежит немедленному освобождению в зале суда!

Цзян Яньань замер на несколько секунд, прежде чем осознать происходящее. Его напряженное тело обмякло. Кулаки, которые он сжимал до побелевших костяшек, медленно разжались. Глаза слегка покраснели, губы неконтролируемо дрожали, но он не мог вымолвить ни слова.

Сразу после этого судья снова заговорил, глядя прямо на Юй Аоцяна:

— Что касается дела об участии подсудимого Юй Аоцяна в вождении в нетрезвом виде без прав, повлекшем смерть потерпевшего Цзян Синьминя, суд постановил начать рассмотрение дела немедленно!

— Юй Аоцян, вы можете продолжить пользоваться услугами адвоката Лан Фаньчэ, нанять другого защитника или подать прошение о предоставлении бесплатной юридической помощи!

— Объявляю перерыв на один час! Через час заседание возобновится!

Молоток снова ударил по столу. Юй Цяньдо безвольно осел в кресле истца, вцепившись руками в подлокотники инвалидной коляски; его всего колотило от дрожи. Юй Аоцянь же, казалось, не мог прийти в себя. Он вытаращил глаза на судью и продолжал что-то бормотать себе под нос:

— Не может быть... Да как вы смеете судить меня? Мой отец заставит вас за это заплатить!

Под конвоем судебных приставов Цзян Яньань покинул скамью подсудимых.

Лин Чэрэ проводил его взглядом, затем бросил быстрый взгляд на пришедших в замешательство отца и сына Юй. Его рука, опущенная вдоль тела, едва заметно разжалась.

Во время перерыва зал суда наполнился гулом голосов. Дамы из высшего общества перешептывались, не в силах скрыть возбуждения от разворачивающейся драмы, и их слова, словно острые иглы, вонзались в семью Лин.

— Подумать только, какая ирония! Юй Аоцянь еще секунду назад был истцом, а теперь сам стал обвиняемым в убийстве!

— И не говорите! Убийство! Если это докажут, то даже с его параличом остаток жизни он проведет в тюрьме!

— Посмотрите на лица семьи Лин! Выглядят так, будто проглотили что-то отвратительное. Зрелище просто жалкое!

— А ведь они выставили за дверь сына, которого растили двадцать два года, только чтобы прислужиться к семье Юй. Какая жестокость!

— А их новоявленный любимчик Лин Баосин? Говорят, он ведь уже был помолвлен с Юй Аоцянем? Если Юй Аоцянь сядет, они что, будут устраивать брачную ночь в тюремной камере?

По залу прокатился приглушенный смех. Кто-то добавил:

— Какая еще брачная ночь? Вы забыли, что говорили? Юй Аоцянь лишился своего мужского достоинства, так что даже если бы захотел, не смог бы!

Смех долетел до ушей семьи Лин. Лица родителей Лин стали мертвенно-бледными. Лин Баосин, сидевший посередине, помрачнел настолько, что, казалось, вот-вот начнет капать яд. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, но вынужден был молчать, не смея закатить скандал.

Лин Цзесин опустил голову, мечтая провалиться сквозь землю. Он проклинал тот день, когда семья решила во что бы то ни стало породниться с богачами, и теперь они оказались в таком позорном положении.

В углу спокойно сидел Лин Чэрэ, вслушиваясь в эти язвительные пересуды. Только сейчас он понял: чужие сплетни — это ножи. Когда нож вонзается в тебя — это больно. Но когда он вонзается в кого-то другого — это доставляет удовольствие.

Он поднял глаза и бросил взгляд на ерзающих на своих местах членов семьи Лин. В его душе не было ни капли сочувствия — только ледяное безразличие. Когда они выгоняли его из дома, задумывались ли они хоть на миг, что однажды сами окажутся в столь унижительном положении на глазах у всех?

<http://bllate.org/book/18695/1806863>